

И. Р. Атнагулов

**НАРОДЫ ЮЖНОГО УРАЛА В «ТОПОГРАФИИ
ОРЕНБУРГСКОЙ...» П. И. РЫЧКОВА
(К ВОПРОСУ О РОЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
В ФОРМИРОВАНИИ НОВЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ)**

АННОТАЦИЯ. Оренбургская экспедиция 1734–1744 гг. была нацелена главным образом на решение военно-политических проблем на юго-восточной окраине империи. Академическая составляющая деятельности этого предприятия была связана с П. И. Рычковым, опубликовавшим первое в истории региона обстоятельное комплексное исследование — «Топография Оренбургской губернии», где представляют интерес этнографические материалы. Южное Приуралье в этническом отношении было весьма пестрым, а славянский компонент по отношению ко всему населению являлся едва ли не самым низким в государстве. Автором представлены все известные этнонимы региона, данные по этнической истории, культуре, социальной организации. Важной государственной задачей являлось увеличение доли русского компонента и формирование лояльного режиму населения среди неславянских народов. Результат этой деятельности — появление новых идентичностей: крещеных татар, крещеных татар-казаков, татар-казаков мусульман, тептярей. Одна из них — крещеные татары-казаки Нагайбакской станицы, в недалеком будущем стремительно эволюционировавшие в новый этнический феномен, — также была замечена и впервые зафиксирована Рычковым. Власть, создавая сословно-классовую структуру губернии, увеличивая православно-христианский и военный компоненты, стремилась минимизировать удельный вес и культурное влияние мусульман. Обращение в христианство и перевод в казачество тюркского населения, по замыслу российских чиновников, должны были служить сближению с русскими. Однако эти процессы проходили настолько по-разному, что наблюдалось не столько сближение и унификация культуры, сколько, наоборот, усложнение этнической картины.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Оренбургская экспедиция, башкиры, татары, крещеные татары, нагайбаки, тептяри, мещеряки

УДК 94(47).06

DOI 10.31250/2618-8619-2019-3(5)-230-238

АТНАГУЛОВ ИРЕК РАВИЛЬЕВИЧ — д.и.н., заведующий центром этноистории, Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, Екатеринбург)

E-mail: i.atnagulov@mail.ru

Особенности строительства Российского государства и его социального устройства на протяжении XVIII в. были естественным продолжением процесса присоединения новых земель, начавшегося в предыдущие столетия. После вхождения Среднего Поволжья и Южного Приуралья в состав России в империи оказалось большое число неславянских народов — тюрков и финно-угров, которые в местах наиболее компактного расселения еще долгое время оставались численно доминирующими. По подсчетам В. М. Кабузана, в конце XVIII в. всего по России русские составляли 49 % от общего числа населения, а самый меньший удельный вес русских в стране — 41 % — имела Оренбургская губерния, созданная недавно в результате масштабной государственной экспедиции (Кабузан 1990).

Оренбургская экспедиция 1734–1744 гг. по замыслу организаторов и главным задачам, которые она выполняла, в первую очередь решала военно-политические и экономические проблемы. Незадолго до ее начала обер-секретарь Сената И. К. Кирилов представил Анне Иоанновне конкретный план — «Изыяснение о киргиз-кайсацких и каракалпацких ордах» (Рычков 1896: 8), где отмечена необходимость строительства нового территориального субъекта, населенных пунктов, укомплектованных военным населением, и т. п.

Этот государственный замысел предстояло реализовать в сложных этнополитических условиях, как внутренних, так и внешних. Южное Приуралье являлось не только объектом русской колонизации, но и этноконтактной зоной двух соперничавших групп — башкир и казахов Младшего и Среднего жузов. В результате давления джунгар казахи Младшего жуза продвинулись на запад до р. Урал, вытеснив с этих территорий калмыков. Казахи Среднего жуза дошли до среднего течения р. Тобол и Уй. Результатом этого явились прямые столкновения казахов с башкирами, между которыми установились сложные отношения. Подобными были контакты между казахами и русскими казаками (Попов 1861: 172–173). К тому же в 1730 г. хан Младшего жуза Абулхайр, недовольный постоянными набегами и разорениями со стороны калмыков, джунгар, башкир и яицких казаков, просит принять его земли со всем населением в российское подданство при сохранении для себя ханского титула, а также обещает повлиять на хивинцев и каракалпаков для приведения их в русское подданство (Рычков 1896). В том же году он отправляет уфимскому воеводе П. А. Бутурлину своих послов. В просьбе была указана цель этого поступка — защита земель казахов Младшего жуза от джунгар и калмыков. Абулхайр также просил о постройке города в устье р. Орь. Хан обещал посылать туда «от каждого рода по представителю в качестве судей для разбора казахских дел» (Попов 1861).

Академическая составляющая деятельности Оренбургской экспедиции заключалась в комплексном изучении южноуральского края: его рельефа, гидрографии, полезных ископаемых, флоры, фауны, населения региона. Этим занимались принимавшие в ней участие специалисты в соответствующих областях (Рычков 1896: 10). В числе высочайших научных результатов ее деятельности следует отметить публикации наблюдений и исследований П. И. Рычкова. Занимая различные государственные должности, выполняя хозяйственные задачи, П. И. Рычков находил время для научной и литературной деятельности. Он писал статьи для «Трудов Императорского Вольного экономического общества», статьи и переводы иностранных сочинений в академическом журнале «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие». Наконец, им были написаны два крупнейших произведения по истории Южного Урала — «История Оренбургская» и «Топография Оренбургской губернии». Последняя неоднократно переиздавалась на русском и немецком языках. Именно в связи с научными заслугами Рычкова по ходатайству М. В. Ломоносова в России было впервые утверждено звание члена-корреспондента Российской академии наук. Единственным обладателем этого звания в академии Рычков оставался до 1776 г.

Среди произведений, написанных им в процессе работы на Южном Урале, следует отметить опубликованную в 1762 г. «Топографию Оренбургской губернии». Это издание справедливо считается первым в истории обстоятельным комплексным описанием Южного Урала, его населения, природных условий, истории, топонимии. В этом произведении нас интересуют этнографические материалы. Ценным здесь является то, что автором подробно зафиксирована этническая картина Южного Урала того времени, перечислены все известные этнонимы, представлены некоторые данные по этнической истории, культуре, социальной организации и многое другое. Наконец, Южное Приуралье вместе со Средним Поволжьем было вовлечено в большой государственный проект по социальному обустройству, результатом чего стало появление новых идентичностей — крещеных татар, крещеных татар-казаков, татар-казаков мусульман, тептярей. Одна из них — крещеные татары-казаки Нагайбакской станицы, в недалеком будущем стремительно эволюционировавшие в новый этнический феномен (Атнагулов 2016), — также была замечена Рычковым и впервые зафиксирована им в рассматриваемом произведении.

Описание этнического состава края содержится во второй и четвертой главах первой части книги. Обе главы включают всего восемнадцать разделов, в каждом из которых описывается отдельный народ. Вторая глава называется «О пределах и об окружности Оренбургской губернии и о смежных с нею местах и народах». Здесь дается описание народов Средней Азии и Казахстана, главным образом тех, в отношении с которыми у России того времени был стратегический интерес. Этнографическая ценность описаний Рычкова состоит в том, что он не только зафиксировал этнонимы — обозначения народов, существующих поныне, но и выделил в качестве самостоятельных некоторые идентичности, которые ныне в статусе народа не выделяются, но известны как этнографические группы (субэтноты) некоторых современных народов.

Например, зафиксированные на современной карте народы описаны в пунктах «О тухменцах», «О каракалпаках», «Киргизы Большой орды». В пунктах «О Хиве и хивинцах» и «Об аральцах» перечислены тюркоязычные группы, вошедшие впоследствии в состав огузоязычных узбеков. В пункте «О Туркестанском владении» зафиксировано тюркоязычное население, вошедшее позже в состав казахов Старшего и Среднего жузов, а также та часть казахов, которая, по легенде, ведет свою родословную от Мухаммеда и не причисляется к жузам.

В главе четвертой «О разности народов, внутри Оренбургской губернии находящихся, по древнему и нынешнему их состоянию» предлагается описание народов Российской империи, встречающихся на Южном Урале. В самом начале главы автор отмечает, что вряд ли где-либо еще в империи можно увидеть такое этническое разнообразие, как в Оренбуржье. Все народы региона он делит на две части — «те, кои в границах сей губернии издавна живали и ныне жительствуют» и «вновь приходящие и... в разных местах поселяемые». К первым он относит русских, татар, башкир, мещеряков, калмыков, киргиз-кайсаков, каракалпаков, мордву, черемисов, вотяков и чувашей.

Вторые отмечены в пункте «О новопришедших и в Оренбургской губернии поселившихся азиатских народах». Рычков напоминает об указе Анны Иоанновны, по которому Оренбургской губернии дана привилегия: здесь могут свободно селиться, торговать и заниматься ремеслами выходцы из разных стран. По данным Рычкова, в Оренбургской губернии селились в основном выходцы из Средней и Западной Азии. Во всяком случае в этом произведении перечислены только они. При этом он видит две разные по причинам появления группы. Первые — это четырнадцать человек: «из хивинцев восемь, кашгарцев три, ташкентец один, бухарец один, из жителей города Балха один», которые, женившись на местных, поселились в татарской слободе и занимались торговлей. Вторые — это «выбежавшие из киргиз-кайсацкого плена разных наций народы, а именно: персиян

сто шесть, аравитян семнадцать, турок пятнадцать, армян четверо, каракалпак двадцать один, бухарцев семь, хивинцев четыре, кубанцев четыре, узбеков пять, бадакшанец один, талыжского народу четыре, афганцев два и других наций, всего поныне двести двенадцать человек, кои по силе пожалованной Оренбургу привилегии до 1753 года приняты и отосланы на житье в Башкирь. Из них же восприняли святое крещение шестьдесят восемь человек, в том числе персиян сорок пять, аравитян двенадцать, бухарцев три, каракалпак два, которые по определению Оренбургской канцелярии селятся на назначенных им местах в Уфимской провинции, около Нагайбакской крепости, между тамошними новокрещенными» (Рычков 1762: 189–192).

Этот экзотический компонент еще долгое время был замечен и фиксировался позже другими исследователями. В 1768 г. сын Рычкова Н. П. Рычков отправился в экспедицию П. С. Палласа по Оренбургской губернии, в ходе которой совершил путешествие по бассейнам Белой, Ика и Дёмы, где изучал природу и население этих мест. По итогам экспедиции вышла его книга «Журнал или дневные записки...». Она написана в форме дневника, и в разделе «Описание реки Ик и всех достопамятных мест, по берегам его находящихся» под датой 16 и 17 июня имеется запись о Нагайбакской крепости и ее жителях. Здесь он пишет, что население крепости представляет собой разнообразную смесь азиатских народов, перечисляя этнонимы, зафиксированные его отцом (Рычков 1770).

Еще один этнический компонент населения Южного Приуралья, попавший в поле зрения П. И. Рычкова, — мещеряки. В четвертой главе первой части им посвящен отдельный параграф. Мещеряки (они же — мишари), по свидетельству Рычкова, в Уфимскую провинцию были переселены в XVII в. из Алатырского и Симбирского уездов. На Урале вместе с татарами они составляли служилое сословие и принимали участие в подавлении башкирских восстаний. Рычков замечает, что по языку и религии мещеряки идентичны татарам, но по происхождению, хотя и с осторожностью, ссылаясь на древнерусские документы, относит их к летописной мещере: «Происходят ли они от мещеры... о том, со временем исследовав, можно обстоятельнее и достовернее показать» (Рычков 1762: 100–103). Мещеряки, попав в татарское и башкирское этническое окружение и оказавшись с ними в одном сословии, позже в подавляющем большинстве были ассимилированы. Начало этого процесса также было замечено Рычковым: «...в Башкирии живущие мещеряки... живут вообще с находившимися тут башкирцами и татарами...» О близости служилых татар и мещеряков он пишет: «...но сии [служилые татары. — И. А.] с мещеряками одного состояния, разнятся только именем...»

Рассуждения П. И. Рычкова об этнических процессах подтверждаются выводами других участников академических экспедиций XVIII в. О появлении в результате государственной деятельности новых идентичностей пишет И. Г. Георги. Объектами его внимания являются причисленные автором к народам «финского племени» тептяри и к «народам татарского племени» казаки Нагайбакской крепости вместе с мещеряками Уфимской и Исетской провинций. Георги называет причину возникновения тептярей — бегство во второй половине XVI в. групп чувашей, татар, марийцев и удмуртов на башкирские земли. Перечисляя этнокультурные различия между этими народами, он отмечает, что они перемешались так, «что иногда нарочито трудно дознаваться, от какого происходят они [тептяри. — И. А.] племени». Понимая механизм генезиса новой идентичности, Георги резюмирует: «Они служат доказательством в новейшие времена тому, что при государственных смятениях могут новые народы и новые поселения получить свое бытие» (Георги 1776, I: 67).

Похожий процесс наблюдает Георги и среди жителей Нагайбакской крепости. Называя их «татарами», он также характеризует данную группу как «перемешанные толпы или общества разных

татар». Георги видит процесс становления новой идентичности и отмечает консолидирующий фактор: «Нагайбацкие татары приняли уже грекороссийскую веру и вступили чрез то еще больше в союз и соединение» (Георги 1776, II: 76).

О мешеряках он сообщает, что прежде они жили на нижней Оке между мордвой и черемисами. Переселившись на Урал, оказались среди башкир и татар. О сближении мешеряков с татарами и башкирами Георги сообщает следующее: «С виду походят они нарочито на уфских татар. Во нравственном же состоянии ближе подходят к башкирцам... У исетских мешеряков точно такие же порядки в рассуждении зимних и летних деревень, как и у башкирцов, с коими они так же без разбору кочуют и обходятся дружески... Женское [одеяние. — *И. А.*] почти подобно башкирскому». Среди прочих характеристик читаем: «В вере, жилищах, пище, делах, увеселениях и во всем к житейским обрядам принадлежащем подобны они частью башкирцам, а частью уфским татарами...» (Георги 1776, II: 103–105).

Другой участник академических экспедиций XVIII в., И. И. Лепёхин, наблюдал в Южном Приуралье начальный этап процесса аккультурации выходцев из стран Средней Азии. Вероятнее всего, они были из того же состава, который был описан Рычковым. В крепости Нагайбакской Лепёхин не был, но, оказавшись западнее, в верховьях реки Черемшан, обнаружил этих «крещеных азиатцев», называемых здесь «кызылбаши» (Лепёхин 1821: 146–147). В записях, сделанных им, нет никаких свидетельств об отношении их к казакам-нагайбакам. Расселенные среди местных мусульман, они в XIX в., скорее всего, отпали от христианства и были полностью ассимилированы татарами.

Во второй части своего произведения Рычков, показывая устройство и население городов и крепостей губернии, дает описание Нагайбакской крепости. Примечательно, что ему удалось зафиксировать чрезвычайно быстрый по историческим меркам момент, отражающий предпосылки возникновения новой идентичности. Здесь, на наш взгляд, очень коротко, но исчерпывающе доказательно Рычков дает ответы будущим исследователям на вопрос как о генезисе нагайбаков, так и о происхождении этнонима. Причем второе подтверждает первое. В отличие от последующих исследователей, допускающих происхождение нагайбаков непосредственно от ногайцев (Небольсин 1852: 21–22), Рычков четко дает понять, что их происхождение связано с казанскими татарами («старокрещеные», «новокрещеные») и, возможно, с чувашами, восточными марийцами или закамскими удмуртами («идолопоклонники»). Казанские исследователи М. И. Ахметзянов и Д. М. Исхаков (сторонник татарской идентичности кряшен и нагайбаков) допускают, что среди предков нагайбаков могли быть казанские татары, жившие в XVI в. в деревнях Апазово и Кара-Дуван (Ахметзянов 1985; Исхаков 1995: 143–144), названия которых имеют ногайское происхождение. Однако какая-либо связь с ногайцами не подкрепляется ни этнографическими, ни лингвистическими, не физико-антропологическими данными. Скорее наоборот: все эти материалы подтверждают точку зрения о генезисе нагайбаков в поволжско-татарской среде (Атнагулов 2017).

Рычков, безусловно, был человеком исключительно наблюдательным, замечавшим принципиальные детали. Также важно и то, что он перечислил этнословный состав Нагайбакской крепости и окружавших ее станиц — тот субстрат, из которого и сложились в недалеком будущем «нагайбацкие казаки», или «нагайбаки». Например, описывая состав казачьего населения вокруг Нагайбакской крепости, он отмечает: «В окружности сей крепости издавна двоякого состояния люди находились, а именно: новокрещены и иноверцы. Что до первых принадлежит, то их, для отличности от нынешних новокрещеных, пристойнее б старокрещеными именовать. Ибо они, как сами о себе сказывают, да и по делам довольно значитя, еще во времена царя Иоанна Васильевича

из магометан, а паче из идолопоклонников, восприняли святое крещение...». Несомненно, это казанские крещеные татары и чувашаи или волго-камские финны, вошедшие в состав кряшен. Известно, что кряшены, считаясь номинально православными христианами, долгое время не имели возможности читать религиозную литературу и не понимали богослужения на церковнославянском языке. У Рычкова находим подтверждение: «...но в таком были невежестве и незнании христианского благочестия, что почти никто из них русского языка не умел, а различались от прочих иноверцев одним только званием новокрещенским, и что в избах у них были святые образа, а церковей нигде в жительствовах не было» (Рычков 1762: 206–207). Рычков очень хорошо знал здешние края: неподалеку от Нагайбакской крепости, в селе Спасском, находилось его имение. Епископом Казанским и Свяжским священнику этого села было поручено навещать и обучать казаков Нагайбакской крепости христианскому вероучению.

По вопросу о происхождении этнонима «нагайбак» Рычков излагает свои соображения ясно. Он предлагает услышанную им от местных жителей версию происхождения названия Нагайбакской крепости: «Звание происходит от жившего на сем месте башкирца, кой назывался Нагайбак, и юрт его назывался по нем деревней Нагайбаковой», — давая понять, что этноним имеет исключительно топонимическое происхождение. Причем и топоним восходит не к этнониму, а к антропониму. Следом Рычков приводит еще одно свидетельство здешних башкир: «Сказывают, что тут бывал город и живали в нем якобы нагайцы». Судя по сообщению Рычкова, нагайцы если и были здесь, то задолго до появления тех групп, которые нам известны в качестве этнического субстрата будущих нагайбаков, оставили память о себе в виде антропонима-топонима, который и был унаследован возникшим в будущем народом.

Решение «восточного вопроса» Иоанном Грозным как будто сняло с повестки проблему напряженности у восточных и юго-восточных границ Русского государства. Более того, пределы России расширились на восток так далеко, что к XVIII в. территории бывших Казанского, Астраханского и Сибирского ханств стали едва ли не внутренними уездами. Земли Казанского ханства вошли в состав Казанского уезда (по площади гораздо большего, чем ханство), а затем — одноименной губернии, юго-восточные границы которой являлись одновременно государственными. Соседство с «киргиз-кайсацкими ордами» не прибавляло спокойствия в приграничных волостях. Казахско-башкирские и казахско-русские военные столкновения были обычным делом, а новые российские подданные юго-восточных окраин — башкиры — на протяжении XVII–XVIII столетий были известны благодаря многочисленным кровопролитным восстаниям.

Все это вынуждало государство прибегать к различным мерам по наведению порядка на этих территориях. Одной из главнейших задач в этом деле было формирование политически лояльного режиму населения из числа неславянских народов, присоединенных к Российскому государству после 1552 г. Осуществлялось это посредством акций по христианизации мусульман и язычников, а также сословно-классового и политико-административного строительства на вновь обретенных землях.

Насильственная христианизация и ряд экономических факторов привели к массовым миграциям. Перемещение неславянского населения Среднего Поволжья происходило по направлению с запада на восток. Татары, чувашаи, марийцы, удмурты и мордва многочисленными группами переселялись в Южное Приуралье. По этому же вектору перемещались и русские.

В результате к началу XVIII в. этническая картина Южного Приуралья значительно усложнилась. Башкиры, составлявшие здесь прежде едва ли не единственный народ, оказались в политическом окружении. Или отдельные группы мигрантов очутились в окружении башкирских

этнотерриториальных массивов. Пожалуй, единственным местом, где башкиры продолжали жить большими, компактно расселенными группами без иноэтничных вкраплений, были горные массивы Южного Урала. Горно-таежная природная зона, где башкиры успешно занимались скотоводством и лесными промыслами, не привлекала земледельческое население Среднего Поволжья. Следует отметить, что и до настоящего времени этот край, включающий юго-восточные административные районы Республики Башкортостан, является наиболее моноэтничным, т.е. преимущественно башкирским.

К началу XVIII в. южноуральские земли, населенные к тому времени уже враждебно настроенными к государству башкирами, пополнились, с одной стороны, такими же недовольными, отказавшимися принимать христианство «язычниками» — чувашами, марийцами и удмуртами. С другой — большим числом так называемых старокрещеных и новокрещеных, в основном крещеных татар — кряшен, которые, вероятно, не представляли единого консолидированного массива, но, в отличие от мусульман и поклонников родо-племенных культов, не присоединялись к антигосударственным восстаниям.

Русская власть не справлялась с управлением отдаленных окраин Казанской губернии. Юго-восточные башкиры подчинялись России лишь номинально, почти не выплачивая ясак. Подавление народных восстаний, усиление контроля над сбором ясака, обеспечение безопасности вдоль государственных границ и ряд других внутри- и внешнеполитических стратегий государства привели к необходимости политико-административных реформ в регионе.

Ситуация резко меняется с начала 1730-х годов. В это время на Урале наблюдается рост металлургической промышленности (Преображенский 1972: 259–260). Реформы Петра I и его последователей были направлены в том числе и на окончательное решение так называемого «восточного вопроса» — установление дипломатических отношений с правителями среднеазиатских государств и осуществление прямых выходов на их рынки (Акманов 2007: 170). Эта деятельность сопровождалась необходимостью политического и социального устройства региона. Центральной задачей государства являлось создание нового крупного политико-административного образования на Южном Урале с соответствующей ему сетью населенных пунктов и четко выстроенной структурой населения. Таким субъектом в ходе решения ряда политических задач становится Оренбургская губерния. Реализация этого масштабного проекта продолжалась более столетия.

Оренбургская экспедиция являлась частью государственной программы по обеспечению безопасности на окраинах империи и сопровождалась акциями крещения и (или) перевода в казачество. Результатом деятельности экспедиции было создание Оренбургской губернии — нового политико-административного образования с рядом особых полномочий во внешнеполитической деятельности, которыми наделили губернатора в отношении государств Средней Азии. Другим результатом деятельности экспедиции было формирование структуры населения губернии. Это было связано с подавлением башкирских восстаний и разведением враждующих башкир и казахов вдоль линии соприкосновения. Для решения этих проблем необходимо было увеличить военный компонент в регионе. В связи с этим из внутренних уездов переселялись казаки — русские, калмыки и татары (мусульмане и христиане). Подобные переселения привели к изменениям в конфигурации народов и сословий и появлению новых идентичностей — кряшен, тептярей, татар-казаков и т.п. Одной из групп среди татар-казаков были крещеные татары-казаки Нагайбакской станицы, о которых Рычков пишет во второй части «Топографии». По сути, он явился свидетелем возникновения новой, нарождающейся в результате государственной деятельности идентичности — нагайбаков, что и было весьма точно зафиксировано в его произведении.

Российское государство в лице высших органов управления и местных властей, создавая сословно-классовую структуру населения Оренбургской губернии, увеличивая православно-христианский и военный компоненты, стремилось минимизировать удельный вес и культурное влияние мусульманской части. Несомненно, что обращение в христианство и перевод в казачье сословие тюркского населения, по замыслу православного духовенства и государственных чиновников, должны были служить делу его сближения с русскими. Однако данные процессы у различных групп проходили настолько по-разному, что в XVIII в. наблюдалось не столько сближение народов и унификация культуры, сколько, наоборот, усложнение этнической картины в регионе. Новые идентичности, возникшие в Южном Приуралье в XVIII в. не по воле государства, но в результате государственной деятельности, являются весьма удобным «наглядным пособием» по изучению подобных процессов в других регионах и в иные исторические эпохи, а книги П. И. Рычкова «История Оренбургская» и «Топография Оренбургской губернии» — важными источниками по этнической истории народов Южного Урала, Казахстана и Средней Азии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Акманов И. Г. и др. История Башкортостана с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Уфа, 2007. Т. 1: История Башкортостана с древнейших времен до конца XIX века.
- Атнагулов И. Р. Нагайбаки: от сословия к этносу (к вопросу о генезисе идентичности) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. Т. 44, № 1. С. 137–146.
- Атнагулов И. Р. Этническая история нагайбаков в XVIII — начале XXI веков: становление и трансформация идентичностей: дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2017.
- Ахметзянов М. И. К этнолингвистическим процессам в бассейне р. Ик (по материалам шеджере) // К формированию языка татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1985. С. 58–71.
- Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. СПб.: Изд-во К. В. Миллера, 1776. Ч. I: О народах финского племени; Ч. II: О народах татарского племени.
- Исхаков Д. М. Этнодемографическое развитие нагайбаков до первой четверти XX в. // Нагайбаки (комплексное исследование группы крещеных татар-казаков). Казань, 1995. С. 4–18.
- Кабузан В. М. Народы России в XVIII веке. Численный и этнический состав. М., 1990.
- Лепёхин И. И. Записки путешествия Академика Лепёхина. СПб.: Имп. Акад. наук, 1821. (Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 3).
- Небольсин П. И. Отчет о путешествии в Оренбургский и Астраханский край // Вестник ИРГО. 1852. Ч. 4, кн. 1. С. 1–34.
- Попов Н. В. Н. Татищев и его время. М., 1861.
- Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. М., 1972.
- Рычков Н. П. Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 году. СПб., 1770.
- Рычков П. И. История Оренбургская (1730–1750). Оренбург, 1896.
- Рычков П. И. Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым: в 2 ч. СПб., 1762. Ч. 1.

**THE PEOPLES OF SOUTH URAL
IN THE «ORENBURG TOPOGRAPHY...» BY P. I. RYCHKOV
(ON THE ROLE OF STATE POLICY IN THE DEVELOPMENT
OF NEW IDENTITIES)**

A B S T R A C T. The Orenburg expedition in 1734–1744 primarily aimed to fulfill military and political tasks at the southeastern edge of the Russian Empire. The academic part in this event was played by P. I. Rychkov, who published the first thorough and complex study in the history of this region, “Topography of Orenburg Province”, which contains some interesting ethnographic data. Southern Cisurals were rather diverse from the ethnic perspective, the Slavic element being almost the smallest in the empire. The author provides all the known ethnic names, along with information on the peoples’ ethnic history, culture and social organisation. The government was interested in the increasing of the Russian element in the province and in the development of loyalty by the local non-Slavic population. Their activities resulted in the emergence of new identities such as baptized Tatars, baptized Cossack Tatars, Muslim Cossack Tatars and Teptiars. One of them, the baptized Cossack Tatars of Nagaybak settlement, who developed into a new ethnic phenomenon soon after, was also first noticed and documented by Rychkov. Creating the class structure of the province and enhancing the Orthodox Christian and military elements, the government aimed to minimize the number and cultural influence of Muslims. Russian bureaucrats expected that the Turk population’s conversion into Christianity and joining the Cossack would lead to their coming closer with Russians. However, these processes went different ways and resulted not only in the assimilation and unification of culture, but, on the contrary, in the complication of the ethnic landscape.

KEYWORDS: Orenburg expedition, Bashkirs, Tatars, Tatar converts to Christianity, Nagaybak, Teptiar, Mescheriak

IREK R. ATNAGULOV — Doctor of History, Head of the sector of ethnic history, Institute of history and archaeology Urals Branch of the Russian Academy of Science (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: i.atnagulov@mail.ru